

Алекс Ст★р

18+

БУЛОЧКА

и 12 месяцев братьев

Алекс Стар

Булочка и 12 (месяцев) братьев

«Автор»

2025

Стар А.

Булочка и 12 (месяцев) братьев / А. Стар — «Автор», 2025

Мой злой босс отправил меня прямо в канун Нового года в горы, на склад к криминальным братьям Гаджиевым за... Подснежниками! Они держат весь цветочный бизнес у нас в регионе, но они не готовы отдать мне свои цветы просто так... В обмен на них я должна буду выполнить их желания... Запретные. Порочные. И такие сладкие... Справлюсь ли я, или мой босс уволит меня, как и обещал?

© Стар А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Булочка и 12 (месяцев) братьев

1

– Соня! – сверлит меня злым взглядом мой босс. – Сколько ты уже работаешь в нашей компании?

– Почти три месяца, – неуверенно мямлю я.

Хотя я прекрасно помню, что сразу же после Нового года заканчивается мой испытательный срок, и только мой босс Слава решает, останусь я или нет работать в нашем агентстве и дальше.

Сглатываю. Мне очень нужна эта работа.

– Ну тогда ты должна уже была выучить, что я люблю, чтобы все мои поручения и распоряжения выполнялись чётко и в срок, – поднимается он со своего кресла и медленно подходит ко мне...

Вся замираю.

Я слышала и не раз, что Слава особенно любит, когда его сотрудницы беспрекословно и чётко выполняют его особенные поручения...

Просто пока я не сталкивалась с этим. Я же маленькая сошка – самый младший ассистент.

К тому же, у меня нет не только опыта в работе, но и вообще нет опыта...

Особенно в таких особенных поручениях, которые любит раздавать Слава своим подчинённым девушкам...

А он уже совсем близко, нависает надо мной всей своей грузной огромной фигурой.

Он него несёт потом и ещё чем-то прогорклым, и я даже не представляю, смогу ли я вообще...

Зажмуриваюсь, и перед глазами встаёт мамино измождённое лицо...

Дорогостоящее лечение... Неподъёмные лекарства... Либо продавать квартиру – и мы с ней окажемся на улице, либо...

А Слава наклоняется ко мне уже ближе и ближе, и я чувствую его прокисший запах изо рта, когда он шепчет мне буквально в губы:

– Ты заказала подснежники для Вероники Ланц? – вдруг так громко выкрикивает он имя приглашённой суперзвезды мне прямо в лицо, что у меня буквально лопаются перепонки.

– Да... Я обзвонила все цветочные базы, – всхлипываю я. – Но ведь сейчас – декабрь... – объясняю я ему очевидные вещи. – Не сезон для подснежников... Все говорят: звоните в конце февраля... Или в марте...

– А мне по хрен! – багровеет мой босс, и мне кажется, ремень его брюк сейчас лопнет от натуги. – По хрен! Поняла?! – брызжет он на меня слюной, и его огромный живот упирается мне в груди. – Вероника Ланц – наш ключевой клиент, и если она захочет, чтобы мы приготовили ей единорога, ты, на хрен, пойдёшь и застрелишь этого сраного единорога и приволочёшь его мне! Ты это понимаешь?! – орёт он как бешеный.

Но вдруг останавливается, и смотрит на меня масляным взглядом.

Мне кажется, он ещё больше возбудился от своего дикого крика.

Делаю шаг назад. Сглатываю. В горле сухой комок.

Мне нужна эта работа.

– Так, ладно, – подходит он снова ко мне вплотную и кладёт мне свою потную ладонь прямо на грудь.

Сжимает её, и я чувствую, как пот растекается по тонкой ткани.

Мне хочется плюнуть в его рожу, но я не могу.

Мне слишком нужна эта работа... Слишком нужна...

– Ты очень умная и сообразительная девочка, Соня, – проникновенно смотрит он мне в глаза, пока его руки шарят по моему телу. – Я только поэтому не уволил тебя два месяца назад. А ещё ты такая вкусная... Аппетитная... Как свежая булочка...

Он уже совсем близко, почти подпёр меня к стенке своим грузным телом, и его дыхание обжигает мою шею...

Пересиливаю себя. Ради моей мамы. Ради нашего с ней будущего...

– У тебя два варианта: сейчас выполнить моё небольшое поручение, – кладёт он вдруг мою ладонь на свою ширинку, и я чувствую что-то твёрдое под своими пальцами, и с омерзением машинально одёргиваю руку, как от противной гадины... – Или пойти и достать мне эти сраные подснежники! До завтрашнего дня! – тут же багровеет он от злости и снова орёт на меня, и я наконец-то выскальзываю из его потных мерзких объятий...

– Хорошо, я привезу вам подснежники, – с вызовом смотрю я прямо в глаза своему боссу. Не отвожу взгляд.

Хотя внутри всё холодеет. Как я справлюсь?

А разве у меня есть выбор?!

2

Его глаза сужаются, в них плещется смесь злости и неприкрытого желания. Он явно не ожидал такого поворота.

– Ну что ж, – он медленно застегивает пиджак, пытаясь скрыть свою неудачу. – Выбор за тобой, Сонечка. Или корзина самых свежих, самых душистых подснежников к утру завтрашнего дня на столе у Вероники Ланц... Или твоё заявление об увольнении. Без выходного пособия. И без рекомендаций. Понятно?

Я лишь киваю, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Разворачиваюсь и почти выбегаю из кабинета, не видя ничего перед собой.

Весь остаток дня я провожу в бесплодных звонках. Каждый разговор является точной копией предыдущего: извиняющиеся голоса флористов, вежливые отказы, совет позвонить весной. Отчаяние сжимает мне горло всё туже и туже. Уже смеркается, за окном офиса зажигаются праздничные гирлянды, все спешат по домам, а я сижу над своим телефоном, заливаясь слезами.

Последней в моем списке значится какая-то полумифическая оптовая компания «Двенадцать месяцев» с адресом где-то за городом, в горах. Я уже не на что не надеюсь, набирая странный номер.

Трубку снимают мгновенно. Мужской голос, низкий, спокойный, бархатный, от которого у меня внутри словно начинают перекачиваться крошечными камушки. Кавказский акцент. Или мне только кажется?

– Слушаю вас.

Я сбивчиво, почти плача, выпаливаю свою просьбу о подснежниках.

На другом конце линии повисает легкая пауза. Я уже готовлюсь услышать привычное «нет», но он говорит:

– Подснежники? В декабре? Возможно. У нас есть... Особые оранжереи. Но мы не работаем с по запросу по телефону. Если вопрос настолько серьезен, вы должны приехать. Лично.

– Я... Я приеду! – сразу же выдыхаю я, цепляясь за эту соломинку. – Скажите только адрес!

– Навигатор не покажет. Это частная территория. Я диктую маршрут. Записывайте. – Его голос звучит как приказ, не терпящий возражений.

Я лихорадочно зарисовываю на клочке бумаги его указания: шоссе, потом серпантин в горы, указатель с изображением двенадцати звезд, каменные ворота. Сердце бьется бешено. Это какое-то безумие – ехать одной ночью в неизвестность, в горы, к кому-то, о ком я ничего не знаю. Но мысль о маме, о ее глазах, о Славе, прижавшем меня к стене, заставляет меня действовать.

– И еще одно, – добавляет тот бархатный голос, прежде чем положить трубку. – Будьте готовы заплатить нашу цену. Которую мы назовём... Она... Немного необычна.

Я не спрашиваю. Какая разница? Я продам душу дьяволу, лишь бы выжить. Тем более, я уверена, моя фирма ради Вероники Ланц готова пойти на любые расходы.

Дорога занимает вечность. Старенькая Лада, которую я взяла в прокат, с трудом одолевает крутые виражи, метель заметает стекла, залепляет снегом фары. Я уже сто раз жалею о своей аванюре, но поворачивать назад поздно.

И вдруг – указатель. Выкованные из черного металла двенадцать звезд, сияющие в свете фар. За ним – массивные каменные ворота, которые бесшумно разъезжаются, едва я к ним приближаюсь, впуская меня внутрь.

Я замираю, затаив дыхание.

Передо мной, в свете луны и факелов, замороженных в снежные берега подъездной аллеи, висится особняк. Он похож на ожившую сказку – древний, мощный, сложенный из темного камня, с остроконечными башенками и бесчисленными окнами, в которых теплится золотистый свет. Воздух звенит от мороза и тишины, пахнет хвоей, снегом и чем-то неуловимо цветочным, пьянящим.

Они же сказали, что у них здесь есть оранжереи?

Двери главного входа открываются, и на светлых ступенях, залитых теплым светом изнутри, возникает высокая мужская фигура. Он не выходит – он возникает, появляется, будто является частью этой ночи, этого дома.

Я вылезаю из машины, по колено утопая в свежем, хрустящем снегу, и бреду к нему, чувствуя себя совершенно потерянной и маленькой.

Он не один. Из двери за его спиной выходят еще двое, встав по бокам. Трое. Совершенно одинаково одетые в темные дорогие свитера и брюки, но такие разные. И такие... Одинаково прекрасные. Словно сошли со страниц журнала, который я иногда тайком листаю в парикмахерской.

Тот, что в центре, наверняка самый старший из них. Во взгляде – не возраст, а власть. Спокойная, неоспоримая уверенность хищника, который знает, что добыча уже в его власти. Он статен, широк в плечах, с проседью на висках, лишь добавляющей ему шарма.

– София, – произносит он мое имя, и оно в его устах звучит как заклинание. Его голос я узнаю – тот самый, из телефона. – Я – Декабрь. Добро пожаловать в наш дом. В дом братьев Гаджиевых.

Я лишь киваю, не в силах вымолвить ни слова. В горле всё пересохло от волнения.

– А это мои братья, – он делает легкий жест рукой. – Ноябрь. – Мужчина слева, чуть более суровый, с пронзительным взглядом, оценивающе кивает. – И Октябрь. – Тот, что справа, с хитрой искоркой в глазах и чувственными губами, позволяет себе легкую, обжигающую улыбку.

Меня обдаёт теплом из дома, смешанным с ароматом дорогого парфюма, кожи и чего-то чисто мужского, первобытного. Я стою перед ними, запорошенная снегом, в своём дешевом помятом офисном платье и растоптанных ботинках, и чувствую себя зайчишкой, окруженным стаей волков. Голодных, прекрасных и опасных.

Ноябрь, молчавший до сих пор, делает шаг вперед. Его глаза, холодные и ясные, будто зимнее небо, медленно, с невероятной наглостью облизывают меня с ног до головы, задерживаясь на округлостях груди, на изгибе бедер под тонкой тканью.

Я чувствую, как предательски затвердели мои соски на морозе. Облизываю пересохшие губы. Как я вообще здесь очутилась?! Что я вообще здесь делаю?!

– Так это та самая девочка, которая хочет наши подснежники? – спрашивает он, и в его голосе звучит легкая насмешка. – Какая аппетитная булочка. Правда, брат?

Мои щеки вспыхивают. Я опускаю глаза, но чувствую на себе его взгляд – тяжелый, почти как физическое прикосновение.

Октябрь смеется, низким грудным смехом, от которого у меня переворачивается что-то в самом низу живот:

– Не пугай девочку, Ноябрь. У нее от тебя мороз по коже идет. – Он подходит ко мне ближе, и от него пахнет спелыми яблоками, корицей и чем-то ещё, невероятно дурманящим.

Он протягивает руку и мягко, почти невесомо смахивает снег с моего плеча. Его пальцы едва касаются ткани, но под ней кожа мгновенно вспыхивает огнем:

– Мы просто должны обсудить условия сделки. Не так ли, Соня?

Я лишь тихо киваю в ответ. Я словно лишилась дара речи. Три пары мужских глаз изучают меня, взвешивают, оценивают, словно на аукционе. И в их взглядах нет ничего от похотливой наглости Славы. Это нечто иное – мощное, первозданное, животное влечение, от которого по телу бегут мурашки и перехватывает дыхание.

От которого ноги становятся ватными, как белоснежные сугробы вокруг меня.

Декабрь, наблюдающий за этой сценой со спокойствием хозяина, наконец, нарушает молчание.

– На улице холодно. Не дело – вести переговоры на пороге. – Он отступает вглубь холла, приглашая жестом войти. – Проходи, Соня. Обсудим твой... Вопрос.

Я делаю шаг, потом другой, переступая через высокий порог. Тепло дома обнимает меня, словно плотное одеяло. Внутри пахнет старым деревом, дымом от камина и все тем же пьянящим, цветочным ароматом.

Декабрь идет впереди, его спина прямая и широкая. Ноябрь и Октябрь движутся следом, и я чувствую себя зажатой между ними. Между всеми братьями, чье присутствие я ощущаю своей спиной, своей кожей. Плотное, неотвратимое.

Мы проходим через огромный холл с дубовыми балками на потолке и камином, в котором пылает живой огонь. На стенах – портреты всех двенадцати братьев. Январь с ледяной короной, суровый и молодой. Февраль в метели, с горящими глазами. Март – с побегими ивы в руках и дерзкой улыбкой... Я прохожу мимо них, и мне кажется, что с холстов на меня смотрят живые люди, оценивающие новую диковинку. Свою новую игрушку.

Декабрь останавливается перед массивной дубовой дверью.

– Наш кабинет. Здесь мы решаем все важные вопросы.

Он распахивает дверь, и мне открывается просторная комната, больше похожая на охотничий зал. Еще один камин, кожаные диваны, тяжелые гардины. И повсюду – братья. Их несколько человек. Все – ослепительно красивые, с разными оттенками волос и глаз, но со схожей хищной грацией. Все разговоры смолкают, когда я появляюсь на пороге. На меня устремляются взгляды – любопытные, заинтересованные, голодные...

3

Дверь за моей спиной с глухим стуком закрывается, и я понимаю, что оказалась в ловушке. В самой восхитительной и пугающей ловушке на свете.

Воздух в кабинете густой, насыщенный ароматом кожи, дорогого виски, древесного дыма и чего-то неуловимого, чисто мужского – возбуждения, силы, власти. Он сразу же ударяет мне в голову, как шот крепкой пряной настойки.

Их больше, чем я сначала подумала. Не трое. Не пятеро. Все двенадцать здесь. «Прямо как двенадцать месяцев года», – проносится у меня в голове. Они будто разливаются по комнате непринужденными и мощными потоками, каждый занимает свое пространство, будто знает свою позицию в стае. И я – центр, вокруг которого теперь крутится этот смерч.

Декабрь ведет меня к центру комнаты, к огромному дубовому столу. Его рука лежит у меня на поясице, тепло ладони проникает сквозь тонкую ткань платья, жжет кожу. Это прикосновение одновременно и оберегающее, и собственническое, властное.

– Братья, позвольте представить, – его голос, ровный и спокойный, заглушает тихий гул мужских голосов. – Наша гостья. Соня. У нее к нам очень необычная просьба.

Все взгляды прикованы ко мне. Я буквально чувствую их на своей коже, будто они гладят меня, облизывают влажными горячими языками...

Самый молодой, порывистый, с глазами цвета первой весенней капли и дерзкой ухмылкой, отставляет в сторону бокал. Это, наверное, Март. Он оценивающе свистит, тихо, почти неслышно.

– Декабрь, ты не сказал, что гостья такого... Восхитительного калибра, – его голос молодой, бархатистый, с хулиганской ноткой. Он подходит ближе, и я замечаю, как он прекрасно сложен – гибкий и сильный, как молодой тигр. – Привет, Соня. Я Март. Тот, кто приносит оттепель.

Его слова заставляют меня вздрогнуть. Оттепель. Именно это сейчас и происходит с моим телом – заледеневшее от страха и стужи на мерзлой трассе в горах, сейчас оно буквально тает от и течёт от любопытства... И от желания?! Смутного и дерзкого, которое пробивается сквозь мою кожу, течёт бурлящим ручьём по венам...

Рядом с ним встает другой – чуть старше, с более суровыми чертами лица, но не менее привлекательными. Он немного взрослее, это сразу заметно. Глаза, как два обсидиана, горят внутренним огнем. Февраль.

– И соблазняет метелью, – поправляет он брата, не сводя с меня холодного, испепеляющего взгляда. Его пальцы играют с серебряной цепочкой на запястье. – Ты вся дрожишь, девочка. От холода или от нашего общества? Ты нас боишься?

Я не могу ответить. Я только сглатываю комок в горле. Его взгляд скользит по моей шее, останавливается на пульсирующей точке у основания горла, и мне кажется, что он чувствует каждый удар моего сердца.

С другого дивана поднимается мужчина с мягкими, но насмешливыми глазами и улыбкой, которая обещает невероятные и сладкие грехи. Запретные игры. Сентябрь.

– Оставь её, Февраль. Ты напугаешь нашу пчёлку, которая прилетела за нектаром, – он приближается, и от него пахнет спелой пшеницей и теплой землей.

Он берет мою руку – его пальцы удивительно нежные для такого крупного мужчины – и подносит к губам. Его поцелуй на моих костяшках невесомый, но от него по всему телу пробегает разряд тока.

– Какая нежная. И такая сладкая. Я чувствую тебя... твой сладкий вкус...

– Она не пчёлка, – вдруг раздаётся низкий, вкрадчивый голос из глубины комнаты.

Август. Мужчина, источающий ленивую, животную силу. Он полулежит в кресле, закинув ногу на ногу, и его глаза, цвета темного меда, медленно, с невероятной снисходительностью путешествуют по изгибам и складочкам моего тела, прорисовывающимся сквозь слишком тонкое, не по сезону, платье.

– По мне так она спелый персик. Сочный. Румяный. Так и хочется откусить кусочек...

Мой взгляд мечется от одного мужчины к другому. Июль – с пламенем в глазах и губами, созданными для поцелуев. Июнь, солнечный и ясный, чья улыбка кажется обманчиво невинной. Май, несущий аромат цветущих лугов и обещающий невероятную нежность. Апрель с дождливыми, но бесконечно глубокими глазами, в которых тонут все тревоги. Январь – холодный, молчаливый, но его внимание жжёт сильнее любого пламени. И Ноябрь с Октябрем, чьи взгляды говорят, что они считают меня своей законной добычей.

Они все смотрят. Все хотят. И я... Я чувствую себя растоптанной, выставленной на показ, униженной. Но сквозь этот стыд пробивается тёмная, влажная сущность. Побег возбуждения. Ещё слабого и неокрепшего, но он уже пророс во мне, и его не остановить...

Никогда еще на меня не смотрели с таким диким необузданным, неприкрытым желанием. Никогда еще я не чувствовала себя такой... Желанной. Аппетитной булочкой. Спелым персиком. Их слова одновременно смущают, но и льстят мне.

– Я... Мне нужны подснежники, – наконец-то мямлю я, и мой голос звучит хрипло и неузнаваемо. – Мой начальник сказал... Вы сказали, что они есть.

– О, они есть, – Декабрь подходит к столу и опирается на него ладонями, его мощный силуэт прорисовывается на фоне пылающего огня в камине. – Самые первые, самые свежие. Только что из-под снега. Но, видишь ли, Соня, они не для продажи. Они... Для особых случаев. Для особых людей.

– И что мне нужно для этого сделать? – спрашиваю я, уже почти зная ответ.

Предчувствие огненными мурашками пробегает по моей коже.

Декабрь обводит взглядом своих братьев, и в воздухе повисает молчаливое согласие. Он снова смотрит на меня.

– Нам скучно, Соня. Зимы здесь долгие. А ты... Ты пахнешь свежестью, жизнью. Ты принесла в наш дом что-то новое. И мы хотим этим воспользоваться.

Он делает паузу, давая мне прочувствовать каждый его следующий слово.

– Корзина подснежников будет твоей. Взамен ты останешься здесь. До утра. Ты удовлетворишь каждого из нас. Каждого по-своему. А в конце... – его взгляд скользит в сторону Января, Февраля и Марта, которые замирают в ожидании, – в конце ты отдашь нам свою невинность. Сразу троим. Это будет твоей небольшой платой за целую корзину самых ароматных, самых нежных, самых невинных подснежников...

В комнате повисает гробовая тишина. Я слышу, как трещит огонь в камине и как бешено стучит мое сердце. Лишиться девственности. Здесь. Сразу с тремя мужчинами. Удовлетворить каждого из двенадцати...

Ужас сковывает меня. Я делаю шаг назад, но натываюсь на грудь Ноября. Его руки ловят меня за локти, не давая упасть, прижимая к себе. Я чувствую твердость его тела сквозь одежду. Моя попа прижимается в его стальному торсу и чему-то ещё... Жаркому... Я боюсь даже думать, что это...

– Я не могу... Это невозможно... – лепечу я.

– Все возможно, – шепчет Октябрь на ухо с другой стороны, его губы почти касаются моей мочки. – Ты даже не представляешь, на что способно твое тело. Мы научим.

– Ты будешь нашей маленькой зимней сказкой, – добавляет Март, и его пальцы касаются моих волос, зарываются в них...

Их прикосновения, их голоса, их запахи окружают меня, одурманивают. Стыд смешивается с пожирающим меня изнутри желанием, страх – с пьянящим предвкушением. Мысль о маме, о работе, о Славе меркнет перед этим новым, всепоглощающим обещанием.

Я закрываю глаза, пытаюсь дышать. Внутри меня происходит борьба. Последняя искра здравого смысла кричит, что нужно бежать. Но мое тело, мое послушное, не знавшее мужской ласки тело, уже приняло решение. Оно потянулось к этому теплу, к этой силе, к этому обжигающему вниманию. К этой власти...

Я открываю глаза и смотрю прямо на Декабря. На альфу. На того, кто будет первым.

– Хорошо, – мой голос – всего лишь шепот, но в тишине он звучит как выстрел. – Я согласна.

Его губы растягиваются в довольной и хищной улыбке. Он выпрямляется.

– Прекрасно, моя девочка. Тогда начнем с самого главного. С доверия.

Он протягивает мне руку. Изящную, сильную, с длинными пальцами.

– Пойдем со мной. В мою спальню...

Время останавливается. Кровь стучит в висках. Все братья замирают, наблюдая. Их взгляды – смесь похоти, зависти и голода – провожают меня.

Я колеблюсь всего долю секунды. Потом кладу свою дрожащую ладонь в его уверенную руку. Его пальцы смыкаются вокруг моих, тепло и сила его захвата заставляют меня содрогнуться от сладкого ужаса.

Он ведет меня к двери, ведущей вглубь особняка. В его личные покои. Я иду, почти не чувствуя ног, осознавая лишь одно: точка невозврата пройдена.

И только мы с ним оказываемся в длинной, слабо освещенной галерее, он останавливается и поворачивается ко мне. Его взгляд становится еще глубже, еще невыносимее.

– И ещё один нюанс, Соня, – говорит он тихо, ласково. – Всё, что случится здесь сегодня, останется здесь. Навсегда. Но чтобы я мог быть уверен в твоей... Искренности, мне нужна страховка.

Он достает из кармана свитера свой телефон. Одним движением пальца он активирует камеру и наводит объектив на мое растерянное, покрасневшее лицо.

Ледяной ужас, куда более пронзительный, чем весь предыдущий, сковывает меня на месте.

– Улыбнись, Соня, – мягко произносит Декабрь. – Скажи своей маме, что всё хорошо. Что ты немного задерживаешься на работе. Скажи, что скоро вернешься. Скажи, чтобы она не волновалась. Всё будет хорошо, – шепчет он мне низким хриплым голосом...

И я окончательно теряю остатки своей воли...

4

Дверь за

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.